

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

ГИДРОНИМИКОН ВОЛГО-КАМЬЯ НА *-са, -за**

Речные названия на *-са, -за*, кроме Волго-Камья, широко распространены в большинстве регионов средней полосы России и Европейского Севера, в Западной, Средней и Южной Сибири, а спорадически встречаются в Юго-Восточной и Западной Европе. Среди них преобладают двухсложные названия с гидроформантом *-са*, имеющим варианты *-с'а, -с'я*: *Байса* (Поса), р., правый приток р. Вятка (ГССРИ 185); *Бирсэ* (Бирс'я), р., правый приток р. Урал (СТБ 35); *Бисэ* (Бис'я), р., левый приток р. Лемеза (СТБ 35); *Б. Бриса* (р. Кама от р. Вятка (искл.) до устья) (Маштаков 1940 : 388); *Векса* 1) р., левый приток р. Кострома (Самарянов 1876 : 65), 2) р., левый приток р. Вологда (ГССРИ 410); *Вовса*, р., приток р. Пёт (Пёт) (Янтемир 19266 : 8); *Выкса*, р. в бассейне р. Ока (Маштаков 1940 : 386); *Икса* 1) р. Арх. (Серебренников 1955 : 24), 2) р., приток р. Обь (Калинина 1959 : 122); *Иса*, р., правый приток р. Ока (Маштаков 1940 : 386); *Кевса*, р., левый приток р. Пьяна, впадающей в Суру; *Кекса*, р., правый приток Волги (Самарянов 1876 : 65); *Кокса*, р., левый приток Енисея (Мельхеев 1986 : 92); *Коса*, р., правый приток р. Кама (Кривошёков 1914 : 464); *Ламса*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Лекса*, р. Кар. (Серебренников 1955 : 23); *Меса*, р., впадающая в Тазовскую губу (СГРГ 239); *Муса*, р. Костр. (Самарянов 1876 : 51); *Ныса*, ручей (МГСР 1861 : 81); *Оса*, р. (Орлов 1907 : 15); *Пися* 1) р. в бассейне р. Кама, 2) р. в бассейне р. Днепр, 3) приток р. Бура в бассейне р. Висла (Соболевский 1927 : 6); *Плюсса* [pluša], р., правый приток р. Нарва (Кисловской 1974 : 124); *Ржакса*, р. (Седов 1965 : 285); *Ресса*, р., левый приток р. Ока (Маштаков 1940 : 386); *Рикса*, р. (РПО 37); *Рыкса*, р. (Седов 1965 : 285); *Сукса*, р. в бассейне р. Паша (СГБС 95); *Сюса*, р. (Симинова 1962 : 95); *Тёлса* [tolsa], р. (Симинова 1962 : 95); *Тиса*, р. в Карпатах (ФГ 262—263); *Тисса*, р., приток р. Ока в Сибири (Мельхеев 1969 : 158); *Тонса*, р. Арх. (Серебренников 1955 : 24; Орлов 1907 : 15); *Укса*, р. (Кисловской 1974 : 109); *Уса* 1) р., правый приток р. Томь (Мытарев 1970 : 190), 2) р., правый приток р. Уфа (СТБ 156), 3) р., приток Волги, 4) р., приток Печоры (Орлов 1907 : 15); *Хорса*, р. (Симинова 1962 : 95); *Чуса*, р. (Симинова 1962 : 95); *Малая Юкса*, р. в бассейне р. Обь (Серебренников 1955 : 31).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (Грант № 97-04-06388а).

Как явствуют примеры, двусложные речные названия с гидроформантом *-са* (*-с'а*, *-с'ä*) имеют следующие фонетические структуры: *V-sa*; *VC-sa*; *CV-sa*; *CV-s'a*; *CVC-sa*; *CVC-s'ä*; *CVC-sa*; *CCV-sa*; *CCVC-sa*; *CCVC-sa*.

Численность трехсложных речных названий на *-са* (*-с'а*, *-с'ä*) уступает количеству двусложных гидронимов с этим формантом: *Бирюса* (в нижнем течении Она), р. в бассейне Ангары (Мельхеев 1969 : 25); *Вадруса*, р. в бассейне р. Шокша, в бассейне р. Оять (СГБС 49); *Вангаса*, р. (Орлов 1907 : 15); *Вуокса*, р. (Кисловской 1974 : 27); *Ерекса* (*Ерекса*) [*jerek'sä*], ручей, приток р. Бохондо (СТБ 51); *Ерыкса* [*jeräksa*], ручей (МСВГ 1889а : 33); *Илекса*, р. Арх. (Серебрянников 1955 : 24); *Илокса* / *Илакса*, р. в бассейне р. Ивин (СГБС 9); *Ичеса*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Ковакса*, р.; *Кувикса*, р. (Седов 1965 : 285); *Курусса*, р. Арх. (Серебрянников 1955 : 24); *Маймокса*, р. Арх. (Соболевский 1927 : 4); *Маякса*, р. (Седов 1965 : 285); *Мелдуса*, р., левый приток р. Ивин (СГБС 9); *Мелекса*, р. (Орлов 1907 : 15); *Наймокса*, р. (финская грамота XV в.) (Соболевский 1927 : 4); *Ненокса*, р. (Орлов 1907 : 15); *Нюгуса* [*ñugu-sa*], р. Арх. (Серебрянников 1955 : 24); *Пелгаса*, р. в бассейне р. Шокша, в бассейне р. Оять (СГБС 49); *Подокса*, р. (Седов 1965 : 285); *Рагнукса*, р. Кар. (Серебрянников 1955 : 23); *Салакса*, р.; *Селикса*, р. (Седов 1965 : 285); *Таруса*, р., правый приток р. Нара (Здановский 1926 : 57); *Телеса*, р. (Орлов 1907 : 15); *Узокса*, р. Костр. (Самарянов 1876 : 51); *Урбаса*, р. левый приток р. Воя (МСВГ 1889 : 7); *Чавроса*, ручей (Симина 1962 : 95); *Шилекса*, р. (Седов 1965 : 285); *Шилокса*, р., приток р. Тешь, впадающей в Оку; *Шотукса*, р., левый приток р. Свирь (Кисловской 1974 : 172); *Юндокса* [*jundo-ksa*], ручей Костр. (СНМКГ 109).

Трехсложные речные названия на *-са* (*-с'а*, *-с'ä*) имеют следующие фонетические структуры: *VCV-sa*; *VCVC-sa*; *VCCV-sa*; *CVCV-sa*; *CVVC-sa*; *CVCCV-sa*; *CVCVC-sa*; *CVCCVC-sa*.

Изредка встречаются четырехсложные речные названия на *-са*: *Габардуса*, р. в бассейне р. Капша, в бассейне р. Паша (СГБС 86); *Киборуца*, ручей, левый приток р. Ивин, *Kiberusoja* ⇔ *Кибаруца* (СГБС 6); *Кумоукса*, р. Кар. (Серебрянников 1955 : 23); *Селинокса*, р. (Седов 1965 : 285).

Названия этой подгруппы представлены формулами: *CVCVVCV-sa*; *CVCVCCV-sa*; *CVCVVC-sa*; *CVCVCVC-sa*.

На общем фоне гидронимов на *-са* (*-с'а*, *-с'ä*) значительное место занимают речные названия с формантом *-за*, имеющим фонетические варианты *-з'а*, *-зы*, *-з'и*, *-зи*: *Аза*, р., правый приток р. Пьяна (Морохин 1997 : 52); *База*, р., левый приток р. Белая (СТБ 28); *Варза*, р. (Орлов 1907 : 10); *Варзы* (*Варз'и*), ручей, приток р. Быстрый Танып (СТБ 41); *Ворза*, р., приток р. Меза (ПнКк 4); *Гобза*, р. Смол. (Серебрянников 1955 : 25); *Имза*, ручей Нижегород. (НГ 76, 78); *Инза*, р. в бассейне р. Сура (Маштаков 1940 : 387); *Кеза*, р., левый приток Волги (Маштаков 1940 : 385); *Керза*, р. Кир. (Серебрянников 1955 : 25); *Кирза*, р., впадающая в Обское море (ПНО 83); *Крымза*, р.; *Лиза*, р. (Орлов 1907 : 10); *Лоза*, р., приток р. Чепца (МСВГ 1892 : 8); *Луза*, р., приток р. Юга; *Маза* 1) р., приток р. Манага (Янтемир 1926а : 10), 2) р. Нижегород. (НГ 112), 3) р. Костр. (КГ XLVIII), 4) р., левый приток р. Битюга

(Маштаков 1934 : 6); *Ме́за*, р., левый приток р. Кострома (ПнКк 4; КГ X); *Момза*, ручей Костр. (СНМКГ 136); *Монза* 1) р., правый приток р. Кострома (ПнКк 3; СНМКГ 18; Самарянов 1876 : 65), 2) р., левый приток р. Нельша (Самарянов 1876 : 66); *Мыза*, ручей Костр. (СНМКГ 146); *Наза*, р., левый приток р. М. Кундыш (Янтемир 1926а : 10); *Назя* [naʒa·], ручей, левый приток р. Уфа (СТБ 112); *Нырза*, р., приток р. Покшеньга (Сими́на 1962 : 95); *Пе́за* 1) р. Арх. (Серебренников 1955 : 24), 2) ручей Костр. (СНМКГ 158); *Пе́зя* [peʒa·], р., левый приток р. Шуя, впадающей слева в р. Немда (Самарянов 1876 : 65); *Пенза*, р.; *Пле́за*, р.; *Промза*, р. (Орловъ 1907 : 10); *Пу́за* 1) ручей Нижегород. (НГ 1863 : 16), 2) р., приток р. Ляжа / Лажа (МСВГ 1887 : 50); *Рамза*, р. (Орловъ 1907 : 10); *Ру́за*, р., правый приток р. Москва (Здановский 1926 : 25); *Сельза*, р., Арх. (Серебренников 1955 : 24); *Со́за* 1) р., левый приток р. М. Кокшага (МСВГ 1894 : 7), 2) р., левый приток р. Ошла (Янтемир 1927 : 10); *Солза*, р. Арх. (Серебренников 1955 : 24); *Су́за*, р. под городом Зубцовым (Татищев 1950 : 113); *Тебза*, р., левый приток р. Кострома (ПнКк 4); *Те́за* 1) р., приток р. Луха (КГИО 8—9), 2) р., левый приток р. Клязьма; *Темза* (*Таензас*), р., правый приток р. Большой Унзас (Мытарев 1970 : 175); *У́за*, р. в бассейне р. Сура (Маштаков 1940 : 387); *Ю́за* [juza·], р. Волог. (Серебренников 1955 : 25).

Двусложные гидронимы на *-за* (*-за́*, *-зы*, *-зи*, *-зи*) имеют следующие фонетические структуры: *V-za*; *VC-za*; *CV-za*; *CV-za*; *CVC-za*; *CVC-za*; *CCV-za*; *CCVC-za*.

Трехсложные речные названия: *Багазы*, ручей, приток р. Уфа (СТБ 27); *Вазу́за* 1) р. от истока Волги до р. Молога (искл.) (Маштаков 1940 : 384), 2) р. Смол. (Серебренников 1955 : 25); *Ви́ргоза*, р., Костр. (СНМКГ 210); *Виткинза* (*Вичкинза*), р., правый приток р. Сатис (Трубе 1962 : 98); *Кабырза*, р., правый приток р. Мрассу; *Кайгыза*, р., правый приток р. Кабырза (Мытарев 1970 : 61); *Куломза*, ручей Костр. (СНМКГ 182); *Куромза*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Мачаза*, р., правый приток р. Кабырза (Мытарев 1970 : 61); *Медоза*, р., левый приток р. Мера (КГ XI); *Неу́за*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Пеу́за*, ручей Костр. (СНМКГ 202); *Райво́лза*, ручей (Сими́на 1962 : 95); *Сиу́за*, р. Костр. (КГ XLVIII); *Хайрю́за* [ha·juza], р., правый приток р. Камзас (Мытарев 1970 : 197); *Черемза*, р., левый приток р. Томь (Мытарев 1970 : 201); *Яу́за* [ja·uza], р., правый приток р. Москва (Здановский 1926 : 33); *Яхорза* [ja·horza], р. Костр. (СНМКГ 15; КГ XLVIII).

Гидронимы этой подгруппы представляют формулы: *CVCV-za*; *CVCV-zâ*; *CVCCV-za*; *CVCVC-za*; *CVCCVC-za*; *CVV-za*.

Встречаются и единичные случаи четырехсложных речных названий на *-за* (*-зы*): *Аургазы*, р., правый приток р. Уршак (СТБ 27); *Парамаза*, р. в бассейне р. Мокша (РПО 81).

Они имеют следующие фонетические структуры: *VVCCV-zâ*; *CVCVCV-za*.

Вопрос о происхождении гидроформантов *-са*, *-за* с их фонетическими вариантами — пожалуй, один из наиболее дискуссионных. Показательна в этой связи работа Б. А. Серебренникова «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части Советского Союза» (Серебренников 1955а), в которой автор концентрирует внимание на лингвоисторической биографии отмеченных формантов. Так, речные

суффиксы *-та*, *-са* и *-ра*, по его мнению, могли быть диалектальными разновидностями какого-то одного слова, обозначавшего реку; *-ра* мог образоваться из варианта *-са/-за* вследствие ротацизма звука *з*, особенно между гласными. Суффикс *-са* мог иметь материальное родство с суффиксом *-ша* (Серебренников 1955а : 129). Далее отмечается, что звуковой комплекс *ша*, *са* с большой натяжкой можно свести к мар. *икса* 'небольшая река', но и это сопоставление сомнительно (Серебренников 1955а : 130).

В силу отмеченных обстоятельств нельзя согласиться с А. П. Дульзоном, подчеркивающим, что «нередко даже полностью однозвучные слова, встречающиеся в разных, иногда очень удаленных друг от друга местах, фактически имеют совершенно различное происхождение. Так, название *Икса* носят река, протекающая к западу от Урала, и приток средней Оби. В районе Урала *Икса* можно объяснить из марийского *икса* 'небольшая река'. На средней Оби же топоним *Икса*, который произносится здесь как *йикса*, восходит к обско-тюркскому *йиксу*» (1959 : 36).

Название рек *Икса* (Болотинский р-н Новосибирской обл.; Кожевниковский и Чайнский районы Томской обл.) И. А. Воробьева возводит к тюркскому апеллятиву *йик* 'река' (1973 : 81).

В трехсложных названиях типа *Колокса*, *Молокша* и т.п. Е. М. Поспелов склонен выделять элементы *-икса*, *-окса*, *-укса*, *-акса*, *-екса*, *-ыкса*, *-юкса* с вариантами на *ш* (*-икша*, *-окша* и т.д.), которые имеют и самостоятельное употребление. Некоторые из таких двусложных гидронимов, как отмечает Е. М. Поспелов, встречаются неоднократно, что дает основание предполагать в них речные термины. Констатируя наличие в современном марийском языке гидролексема *икса* 'ручей, небольшая речка', он утверждает, что в прошлом данный термин был распространен более широко: в гидронимах бассейнов Северной Двины, Онеги, Выга, Москвы, Волги. Элементы *окса*, *окша*, *укса*, *укша*, по его мнению, имеют значение 'ветвь'. Касаясь известной гипотезы А. И. Попова, постулировавшего семантическое разветвление 'ветвь / приток' в финно-угорских языках, Е. М. Поспелов отмечает, что употребление 'ветвь' для обозначения небольших рек-притоков обычно для многих языков.

Любопытно, что в гидронимах *Векса*, *Вокса*, *Вуокса* Е. М. Поспелов вслед за А. И. Поповым усматривает финский апеллятив *vuoksi* 'прилив, поток, течение', мер. *вёкс* 'исток из озера'. Сюда же в качестве вариантов он причисляет *Выкса* (протока между озерами Плещеево и Сомино), *Викса*, *Викша*, *Вакша* (Поспелов 1970 : 98—99).

В. В. Седов полагает, что названия на *-кса*, *-кша* выявляют древнюю диалектно-языковую группировку финно-угров, из которых впоследствии развились прибалтийские и поволжские языки. В конечном счете автор приходит к выводу, что наибольшая концентрация данных гидронимов приходится на ареал волосовской культуры, как бы подчеркивая, что последний является древнейшей финской областью в Центре (Седов 1974 : 25).

В более ранней работе В. В. Седов высказывал предположение о происхождении гидронимических суффиксов *-кса*, *-кша* из *iksa* (мар. 'ручей') (1965 : 285). Он отметил также, что корневые основы ряда

волго-окских гидронимов на *-кса*, *-кша* объяснимы на почве финно-угорских языков, например: *Колокша* (приток Клязьмы во Владимирской обл. и небольшая речка в бывшем Рыбинском уезде) из мар. *kol* 'рыба' (фин. *kala*) — досл. 'рыбная река'; корневые основы названий *Селекша*, *Шелокша*, *Шилекша*, *Шилокса*, *Шилыкса* восходят к мар. *šila*, фин. *selka*; *Кукша* — из мар. *kuas* 'мелкий' ('мелкий' в марийском *куакш* — А. К.); корневые основы названий *Салакса* — из мар. *sol*, *solz* 'вяз' (должно быть: *шоло* — А. К.) или фин. *salava*; *Ковакса* — из мар. *koʹi*, *kuʹi*, фин. *koivu* 'береза'. По мнению В. В. Седова, очень вероятно этимология топонима *Кидекша* (село на р. Каменке) из мар. *kii*, фин. *kivi* 'камень' (Седов 1965 : 285—287). Нельзя не заметить вместе с тем, что значения мар. *šila* и фин. *selka* В. В. Седовым не указаны. Первое, вероятнее всего, является фонетическим вариантом генетически тождественных *шыла*, *шылагол* 'судак'. Исходное значение финской лексемы объяснить трудно, поскольку она, судя по лексикографическим источникам, дана в искаженном виде. Необходимо подчеркнуть, что В. В. Седов при отборе релевантного для сравнения материала ограничился словарными данными марийского и финского языков, упустив из поля зрения лексические параллелизмы таких языков, как мерянский, мешерский, муромский, вепсский, восходящие нередко к глубокой древности.

По мнению Г. М. Керта и Н. Н. Мамонтовой, топонимы с окончаниями *-га*, *-ма*, *-ша*, *-кса* (выделено нами — А. К.), *-та*, *-да* и т. д. в карельском Поморье, как, впрочем, и по всему побережью Белого моря, относятся к пратопонимическому пласту, привнесенному в X—IX тыс. до н. э. из Западной Сибири и Урала (Керт, Мамонтова 1982 : 9—10; Куратов 1991 : 18).

Инженер-гидрограф С. В. Попов, обращая внимание на гидронимы *Окса*, *Охта*, *Ухта*, *Укша*, объясняет их смысловое содержание как 'небольшая река' (1991 : 47—48).

Итак, финальная часть *-кса*, *-са*, *-за* с фонетически близкими вариантами в названиях речных объектов давно привлекает внимание лингвистов; к их характеристике исследователи подходили по-разному.

Вряд ли есть сомнения в том, что гидронимы с указанными финальными элементами не являются родственными. Их происхождение может быть самым различным. Не исключено, что компонент *-са* в целом ряде речных названий является субстратным гидротермином, претерпевшим значительную трансформацию на адстратно-суперстратной почве. Однако воссоздать неведомый язык и установить точную его этническую привязку весьма трудно. В качестве возможного сравнения можно привлечь ненецкий гидротермин *сё* 'протока; река, вытекающая из озера' (НРС 551). На его фоне особенно показательно кет. *сес* 'река' (мн. ч. *сас* 'реки'). Кеты (енисейские остяки или енисейцы), как отмечает А. П. Дульзон, сыграли значительную роль в создании топонимии Западной Сибири. По его мнению, кеты по своему языку занимают изолированное положение среди коренных народов Сибири, т. е. ни с одним из них не сходятся. Форма *сес*, по наблюдениям А. П. Дульзона, общеупотребительна у всех сымских и имбатских кетов. Это название отмечено им в двух основных вариантах *с'ес* и *с'ес'* (Дульзон 1962 : 50, 54). Аналогичные варианты привел и К. Доннер,

который в сымском диалекте кроме того зафиксировал вариант *си:с*, до него засвидетельствованный П. И. Третьяковым. Все указанные варианты имеют одну семантику (Дульзон 1962 : 57).

В. Н. Топоров, рассматривая енисейское название реки, привел несколько внутриклеточных соответствий: *sēs*, *śēs*, имбатское *sis*. В этот же ряд он включает хант. *sēs*, курейское *śeś*, эдтшешское *šōš*, кам. *satiŋ* и др. Сравнивая приведенные слова и реконструируя предполагаемую общеенисейскую форму, он заключает, что «внешние сопоставления пока недоказуемы, тем более что иногда они не учитывают фактов, восстанавливаемых сравнением енисейских языков». При этом предлагаются, видимо, для сопоставления тибетское *śu*, китайское *śui* 'вода', манс. *sos* и другие из работ Г. Рамстедта, К. Доннера и К. Боуды (Топоров 1967 : 313—314).

Однако, учитывая структуру финно-пермских композитных географических имен, где субстратный детерминатив *śu* с вариантами *śy*, *śo*, *śu* занимает препозитивное место, например: *Сива*, реки — правый приток Камы в Пермской обл. и Удмуртии, правый приток Обвы (Матвеев 1987 : 155); правый приток р. Большая Какша, впадающей в Ветлугу (МГСКГ 1861 : 49); *Сишур* — Малмыжский уезд Вятской губ. (ВГ XXIV), дер. *Синерь* (Асан-Иглинская волость Мамадышского уезда Каз. (Никольский 1913 : 42), следует говорить об ином процессе топонимобразования: присоединение нового препозитивного элемента (определяющего слова) к уже функционирующему гидротермину. Импульсом для появления таких образований послужило стремление к дифференциации речных объектов. При этом в определяющем слове актуализируются субъективно-оценочные компоненты значения, в которых выражаются характерные физико-географические особенности речного объекта или местности. Примеры речных названий: *Ковакса* (р., левый приток р. Сережа) от мордЭ, мордМ *кувака* 'длинный' (ЭРВ 306; Щанкина 1993 : 244) — 'длинная река (речка)'; *Кевса* (р., левый приток р. Пьяна) от мордЭ, мордМ *кев* 'камень' (ЭРВ 244; Щанкина 1993 : 290) — *Каменка* 'речка или ручеек, у которого ложе каменистое' (Маштаков 1931 : 44); *Пекса* (р., правый приток р. Сережа) от мордЭ *пекше* 'липа, липовый' (ЭРВ 466) — 'липовая река или река, протекающая по липняку'. Второй компонент сложного гидронима на суперстратной языковой почве, утратив свое лексическое значение, фонетически выветрился и в конце концов превратился в гидроформант или, по мнению некоторых исследователей, в окончание.

В положении после гласного и сонанта анлаутный элемент топоформанта — сибиллянт *s* (*ś*) — озвончается, например: *Инза*, р. в бассейне р. Сура (Маштаков 1940 : 387); *Куломза*, ручей Костр. (СНМКГ 182); *Пуза* 1) ручей Нижегород. (НГ 1863 : 16), 2) р., приток р. Ляжа / Лажы (МСВГ 1887 50).

В этой связи уместно отметить, что гидроним *Юза*, р. Волог. (Серебренников 1955 : 25), является результатом стяжения двух разноязычных нарицательных имен-формантов в одно скрещенное название 'река-река' или 'проточная (речная) вода'. Для большей наглядности данную топонимизацию можно представить в виде модели: коми географический апеллиатив *ю* 'река' + субстратный географический апеллиатив (речной формант) *за* (< **са*) 'река, речка; протока'.

Что касается реконструкции семантики апеллятивной лексики, участвующей в номинации географического объекта, то она представляет наибольшую сложность в силу неоднократных изменений на почве заимствующих языков. Совершенно очевидно, что интерпретация смыслового содержания реликтовой гидролексемы сопровождается экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими) данными. При этом исследователь должен учитывать природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы и умело оперировать соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов, а не ограничиваться т. н. сиренами созвучия.

Совершенно естественно, что несоблюдение перечисленных установок при анализе фонетического облика и семантики апеллятивной лексики приводит к неверным выводам. Так, П. В. Зимин и Г. В. Еремин речное название *Инза* расчленяют на два элемента: *и-нза*. Сравнивая корневую часть гидронима с мар. *и* (должно быть: *ий* — А. К.), объясняют его содержание как 'ледяная речка' (РПО 67). Однако искусственное расчленение речного названия дезориентирует словообразовательный анализ ономастической лексики, поскольку в марийском языке суффикса *-нза* нет, а имеется суффикс *-зе* с вариантами *-зо*, *-зõ*, *-зы*, *-зй*, который квалифицируется как чувашизм (Галкин 1966 : 51; Патрушев, Гордеев 1964 : 124—127). Между тем, судя по семантике и фонетическому облику, нетрудно увидеть, что это название генетически более совместимо с морд. *ине* 'великий' (ЭРВ 212). В старину оно скорее всего было наполнено содержанием 'большой', ср. эрзянское название космонима Большая Медведица — *Ине Кече* (ЭРВ 212) или *Покш Кече* букв. 'Большой Ковш'.

И. К. Инжеватов, исследовавший многие географические названия Мордовии, отмечает, что гидронимы типа *Инелей* распространены на всей ее территории и часто упоминаются в исторических документах, например, *Инелей*, р. в Ичалковском районе (Инжеватов 1987 : 79—80).

Отпадение конечного гласного первого компонента в гидрониме *Инза* произошло, очевидно, при словосложении, например, *Инсар* < *ине* 'большой' + *сара* 'заосоченный, заболоченный водоем' (Инжеватов 1987 : 80). В финно-угроведении принято считать, что отпадение конечных гласных нельзя относить к глубокой древности. Оно имело место в жизни отдельных языков (например, в прамарийском, прамордовском) или праязыков отдельных ветвей (в общепермскую эпоху) (ОФУЯ 202—203).

Не вдаваясь в методологию ономастической науки, а также в методы и приемы анализа топонимов, отметим лишь, что методически и теоретически слабая фундированность отдельных изысканий, беспочвенность и противоречивость их выводов и бездоказательность постулатов явились прямым следствием того, что смысловое содержание многих палеотопонимов и реликтовых гидронимов Волго-Камья толковалось неверно. Обращает на себя внимание полное отсутствие каких-либо принципов или критериев отбора лексического материала родственных и неродственных языков для объяснения семантики и реконструкции наиболее архаичной формы или архетипа названия.

Нетрудно убедиться, что отбор лингвистических данных разных языков, сделанный на основе внешнего субстанционального сходства, создает значительные трудности в определении более древнего значения апеллятивной лексемы, лежащей в основе географического названия.

Этимологическая интерпретация реликтовых топонимов Волго-Камья невозможна без учета лингвистических данных уральских, тюркских, индоевропейских языков и их диалектов. Причем совершенно необоснованно рассматривать топонимикон Волго-Камья как результат творчества лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым его хронологические срезы и факты воздействия на его формирование субстратных, адстратно-суперстратных и иных факторов.

В связи с этим следует отметить наиболее типичные недостатки в применении лингвистических методов для анализа ономастического материала и в технике их использования.

Во многих работах встречаются неувязки и противоречия содержания этимологизируемых топонимов с физико-географическими реалиями и природными условиями Волго-Камского региона. Недостаточная изученность этнолингвистической карты и физико-географических особенностей местности, как правило, ведет к неверной интерпретации палеотопонимов и реликтовых гидронимов.

Этимологические разыскания не могут не учитывать топонимическую позитивность, отражающую географическую реальность называемого объекта в его имени. Нетрудно увидеть, что реализация именно такого подхода составляет необходимое условие выполнения корректных и полных реконструкций (особенно — семантических) отдельных реликтовых названий. Лишь так можно преодолеть односторонность в объяснении смыслового содержания палеотопонима.

Тот, кто ищет настоящего объяснения, не имеет более права элиминировать, т. е. исключать, исторические и архивные материалы, являющиеся надежным отправным пунктом для верной интерпретации исследуемого материала и преодоления разного рода искажений и неточностей.

Давно назревшей задачей представляется преодоление прямолинейных обобщений, не учитывающих возможной специфики языкового материала. Единственно приемлемой в этом отношении рекомендацией остается максимально полный учет лингвистических данных родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов.

Не менее очевидные недоразумения представляют собой толкования семантического содержания отдельных реликтовых топонимов, предпринимаемые для финно-угорского и прамарийского состояния. Так, Ф. И. Гордеев, сопоставляя отгидронимный ойконим *Вергеза* (Килемарский район Марий Эл) с рус. *вергасить* 'тараторить', *вергаса* 'таратора' (1964 : 54), не учитывает мотивирующие семантические признаки сопоставляемых лексем, не говоря уже о реальных историко-культурных ретроспективах употребления слова. Следует признать сопоставление неудовлетворительным. Гидроним *Вергеза* (название левого притока р. Рутка, ср. также *Вергиза*, р., правый приток р. Арда — Марий Эл) не имеет генетических связей с приведенными русскими словами. История рус. твер. *вергасить* не совсем ясна. Вл. Даль под вопросом указывает, что оно либо восходит к

карельскому, либо произошло от глагола *варганить*, т.е. тараторить, трещать без умолку языком (Даль 1981 : 179).

Следовательно, близость между рассматриваемыми лексемами только кажущаяся, внешняя. Весьма вероятно, что гидронимы *Вергеза*, *Вергиза* этимологически связаны с коми-зырянским словом, имеющим варианты формы, например, уд. *vörgöc* 'ложбина, углубление' (Сорвачева, Безносикова 1990 : 124), сс. *воргас'алны*, *воргиас'ны* 'образоваться рытвинами, углублениями' (Колегова, Бараксанов 1980 : 79). Возможность такого сближения вполне вероятно по семантическим признакам. Наиболее выразительно в этом отношении коми *ворга* 'русло, ложе', ср. *ю ворга* 'русло реки' (КРС 122). Рассматривая этимологию этого слова, В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев отмечают, что оно неясного происхождения и вряд ли имеет отношение к коми *вор* 'корыто'. Далее после тильды (~), к этому ряду со ссылкой на Вл. Даля привлекается севернорус. арх. *ворга* 'болотистая, кустарная лощина' (КЭСК 63).

М. Фасмер, отмечая смысловые значения лексемы *ворга* 'топкий, заросший кустарником овраг, залив' и других ее диалектных вариантов: арх. 'болото', сиб. 'заросшая кустарником болотистая местность', олон. *орга* — приходит к выводу, что они восходят не к коми *verga* 'дорога в тундре', а к кар. *orgo* 'сырая низина', к которому приводит в качестве параллелей фин. *orku*, эст. *org* 'долина; лощина; ложбина'. При этом, ограничиваясь работами Ю. Вихманна и Т. Е. Уотилы, он отмечает, что коми лексема восходит к русскому источнику (Фасмер 1986 : 351).

Конечно, принадлежность к русскому источнику коми слова далеко не бесспорна. Однако для выяснения его генезиса требуется отдельное исследование с привлечением диалектных данных пермских языков.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что приведенные слова в процессе развития финно-угорских языков и их диалектов подверглись значительным фонетическим и структурным модификациям, в результате которых произошли не только качественные, но и количественные изменения звуков в структуре слова.

Наиболее вероятным и заслуживающим внимания является объяснение семантики гидронима *Вергеза* / *Вергиза* как 'река, протекающая по заросшей кустарниками низинной и болотистой местности'. Такая трактовка подтверждается и особенностями ландшафта Республики Марий Эл. С северо-востока республики земная поверхность понижается к долине Волги, вдоль которой широкой полосой тянется центральная низина со множеством озер, болот и рек (Иванов 1992 : 5). Река Рутка, вбирающая слева Вергезу, и Арда, вбирающая справа Вергизу, являются левыми притоками Волги. Долины Вергезы и Вергизы представляют собой широкую, часто заболоченную полосу. В заболоченных бассейнах рек *Рутки* Большой и Малой Кокшаг — находятся небольшие залежи болотной железной руды (Иванов 1992 : 11).

Итак, здесь охарактеризована лишь часть наиболее типичных недостатков, встречающихся в работах ученых-лингвистов, краеведов-географов, в применении методов исследования при анализе топонимического материала.

Методические требования в системе этимологических разысканий реликтовых гидронимов образуют совокупность, соблюдение которой обязательно.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы диахронических изысканий, вероятно, зависят от того, насколько последовательно будут в них реализовываться принципы системности и историзма при подходе к ономастическому материалу. Семантическая реконструкция палеотопонимов и реликтовых гидронимов, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

Сокращения

Арх. — Архангельская область; **Волог.** — Вологодская область; **Вят.** — Вятская губерния; **Каз.** — Казанская губерния; **Кар.** — Карелия; **Кир.** — Кировская область; **Костр.** — Костромская губерния; **Нижегор.** — Нижегородская губерния; **Смол.** — Смоленская область;

ВГ — Вятская губерния. Список населённых мѣсть по свѣдѣніямъ 1859—1873 годовъ, Санкт-Петербургъ 1876; **ГССРИ** — Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи, т. I, Санктпетербургъ 1863; **КГ** — Костромская губернія. Списокъ населённыхъ мѣсть по свѣдѣніямъ 1870—72 годовъ, вып. 18, Санктпетербургъ 1877; **КГИО** — Краткое географическое и историческое описаніе Костромской губерніи (Опытъ родиновѣдѣнія). Съ приложеніемъ изображеній памятника Сусанину и Ипатьевского монастыря, плана г. Костромы и карты Костромской губерніи. Для низшихъ учебныхъ заведеній (сост. А. Н. Рождественскій), Кострома 1913; **КРС** — Д. А. Тимущев, Н. А. Колегова, Коми-русский словарь, Москва 1961; **МГСКГ** — Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Костромская губернія (сост. Я. Крживоблоцкій), Санктпетербургъ 1861; **МГСР** — Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Казанская губернія (сост. М. Лаптевъ), Санктпетербургъ 1861; **МСВГ 1887** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 2. Уржумскій уѣздъ. Съ приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Вятка 1887; **МСВГ 1889** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Нолинскій уѣздъ. Съ приложеніемъ картъ: географической, почвенной и урожайности, т. 5. Выпускъ 1-ый, Вятка 1889; **МСВГ 1889а** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 6. Выпускъ 2-ой. Елабужскій уѣздъ, Вятка 1889; **МСВГ 1892** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 7. Сарапульскій уѣздъ, ч. 1. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Съ приложеніемъ картъ: почвенной и урожайности, Вятка 1892; **МСВГ 1894** — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Яранскій уѣздъ, т. 9, ч. 1. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Съ приложеніемъ картъ: почвенной и урожайности ржи, Вятка 1894; **НГ** — Нижегородская губернія. Списокъ населённыхъ мѣсть по свѣдѣніямъ 1859 года, Санктпетербургъ 1863; **НРС** — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ОФУЯ** — Основы финно-угорскаго языкознанія. Вопросы происхожденія и развитія финно-угорскихъ языков, Москва 1974; **ПнКк** — Прошлое и настоящее Костромскаго края, Кострома 1926; **ПНО** — Природа Новосибирской области, Новосибирск 1968; **РПО** — П. В. Зимин, Г. В. Еремин, Реки Пензенской области, Саратов 1989; **СГБС** — И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд, Словарь гидронимовъ Юго-Восточнаго Приладожья (бассейн реки Свирь), Санкт-Петербургъ 1997; **СГРГ** — Словарь географической Россійскаго государства, описывающій Азбучнымъ порядкомъ. Собранный Афанасьемъ Шека-

товымъ, ч. 4. Отдѣленіе М.—П., Москва 1805; **СНМКГ** — Списокъ населённыхъ мѣсть Костромской губерніи (По свѣдѣніямъ 1907 года), Кострома 1908; **СТБ** — Словарь топонимов Башкирской АССР. Башкорт АССР-ынын топонимдәр һүзлеге, Уфа 1980; **ФГ** — Ф. Н. М и л ь к о в, Н. А. Г в о з д е ц к и й, Европейская часть СССР. Кавказ. Учебник для студ. геогр. спец. университетов, Москва 1986; **ЭРВ** — Эрзянь-рузонь валкс, Москва 1993.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- В о р о б ь е в а И. А. 1973, Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири, Новосибирск.
- Г а л к и н И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. 2, Йошкар-Ола.
- Г о р д е е в Ф. И. 1964, Русская топонимика Марийской АССР. — Вопросы марийского языкознания, вып. 1, Йошкар-Ола, 45—59.
- Д а л ь В. 1981, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. А—З, Москва.
- Д у л ь з о н А. П. 1959, Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — ВЯ, № 4, 35—46.
- 1962, Былое расселение кетов по данным топонимики. — Географические названия, Москва (Вопросы географии, сб. 58), 50—85.
- З д а н о в с к и й И. А. 1926, Каталог рек и озёр Московской губернии с приложением гидрографической карты Московской губернии в масштабе 6 верст в дюйме (на 6 листах). На правах рукописи, Москва.
- И в а н о в Н. В. 1992, География Марийской АССР. Учебник для 8—9 классов средней школы, Йошкар-Ола.
- И н ж е в а т о в И. К. 1987, Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов, Саранск.
- К а л и н и н а Л. И. 1959, О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби. — Ученые записки Томского государственного педагогического института, т. 18, Томск, 112—124.
- К е р т Г. М., М а м о н т о в а Н. Н. 1982, Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии, Петрозаводск.
- К и с л о в с к о й С. В. 1974, Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области, Ленинград.
- К о л е г о в а Н. А., Б а р а к с а н о в Г. Г. 1980, Среднесысольский диалект коми языка, Москва.
- К р и в о щ ё к о в ь И. Я. 1914, Словарь географическо-статистическій Чердынского уѣзда Пермской губерніи, съ приложеніемъ карты бассейна р. Камы и иллюстраціями, Пермь.
- К у р а т о в А. А. 1991, Северная ономастика. — Вопросы топонимики Подвонья и Поморья, Архангелск, 12—23.
- М а т в е е в А. К. 1987, Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь, Свердловск.
- М а ш т а к о в П. Л. 1934, Список рек Донского бассейна. Издание Государственного гидрологического института, Ленинград.
- 1940, Схема деления водных бассейнов СССР (по десятичной системе). — Изв. Всесоюзного Географического об-ва, т. 72, вып. 3, Москва—Ленинград, 383—390.
- М е л ь х е е в М. Н. 1969, Географические названия Восточной Сибири, Иркутск.
- 1986, Географические названия Приенисейской Сибири, Иркутск.
- М о р о х и н Н. В. 1997, Нижегородский топонимический словарь, Нижний Новгород.
- М ы т а р е в А. А. 1970, От Абы до Яи. Географический словарь Кемеровской области, Кемерово.
- Н и к о л ь с к і й Н. В. 1913, Статистическія свѣдѣнія о черемисахъ за 1911 годъ, съ указателемъ литературы о них и изданій на черемисскомъ языкѣ, Казань.
- О р л о в ь А. 1907, Происхождение названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племёнъ и мѣстностей, Вельскъ.

- Патрушев Г. С., Гордеев Ф. И. 1964, Күтүчө але күтүзө (Марий орфографий нерген икмынар замечаний). — Вопросы марийского языкознания, вып. 1, Йошкар-Ола, 125—127.
- Попов С. В. 1991, Топонимия Белого моря. — Вопросы топонимики Подвinya и Поморья, Архангельск, 45—54.
- Поспелов Е. М. 1970, Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера. — Местные географические термины, Москва (Вопросы географии, сб. 81), 95—105.
- Самарянов В. А. 1876, Слѣды поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и других инородцевъ въ предѣлахъ Костромской губерніи. — Древности. Труды Московского Археологического Об-ва, т. 6, вып. 3, Москва, 47—67.
- Седов В. В. 1965, Из гидронимии Волго-Окского междуречья. — Питання ономастики (Матеріали 2 Респубіканської наради з питань ономастики), Київ, 284—290.
- 1974, Гидронимические пласты и археологические культуры Центра. — Топонимия Центральной России, Москва (Вопросы географии, сб. 94), 20—33.
- Сербренников Б. А. 1955, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ, № 6, 19—31.
- 1955а, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части Советского Союза. — Институт языкознания. Доклады и сообщения, Москва, 120—134.
- Симина Г. Я. 1962, Дославянская топонимия Пинежья. — Географические названия, Москва (Вопросы географии, сб. 58), 85—89.
- Соболевский А. И. 1927, Названия рек и озёр Русского Севера. — Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. 32, Москва.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. 1990, Удорский диалект коми языка, Москва.
- Татищев В. Н. 1950, Избранные труды по географии России, Москва.
- Топоров В. Н. 1967, Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*). — Этимология 1965, Москва, 311—320.
- Трубев Л. Л. 1962, Как возникли географические названия Горьковской области, Горький.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка, т. 1 (А—Д), Москва.
- Щанкина В. И. 1993, Мокшень-рузонь валкс. Русско-мокшанский словарь, Саранск.
- Янтемир М. Н. 1926а, Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (С приложением карты кантона), вып. 1, Краснококшайск.
- 1926б, Описание Маробласти. Звениговский кантон (С приложением списка населённых пунктов кантона), вып. 3, Краснококшайск.
- 1927, Описание Маробласти. Оршанский кантон (С приложением списка населённых пунктов кантона), вып. 6, Краснококшайск.

ANATOLIJ KUKLIN (Joškar-Ola)

HYDRONYMS OF THE VOLGA-KAMA RIVER BASIN
ENDING IN *-sa*, *-za*

In toponymics this question has been the subject of much controversy. The history of the endings *-sa* and *-za* in the river names has attracted particular attention of many scholars; different researchers have viewed the evaluative meaning of these elements from various angles: some classify them as endings, others refer to them as suffixes, still others consider them formants and a few define them as independent words. In reference to their origin there are also various points of view.

It is not improbable that the components *-ca*, *-za* in some river names are substratum hydroformants, which have undergone considerable changes on the adstrat-superstratum level. Investigation of a number of hydronyms allows us to place them in a row with the hydrolexemes of nostratic (euroasiatic) languages for the purpose of reconstruction of their archetype, which in ancient times could probably sound as **su* 'water, river, small river, channel', cf.: Nenets *cë* 'channel river, flowing from the lake', Tibetan *cü*, Chinese *shü* 'water, river'.

Considering the structure of Finno-Permic composite geographic names, where the substratum determinative *cü* with variants *c'ы*, *c'о*, *c'у* takes a prepositive place, cf.: *Сива* — a river, the right tributary of the river Kama, one should speak about another process of toponym formation. Toponyms are formed with the help of a prepositive lexical element (a defining word) which is joined to the already existing term.

When this takes place, in the determining word the subjective-evaluative meaning components, in which typical physico-geographical features of the river or place are reflected, become actualized. Cf.: *Пекса* — a river, the right tributary of the river Sereža, from the Mordvinian word *пекше* 'a lime-tree, linden' — a river which flows among lindens.

The second component of the composite hydronym of the superstratum language level, having lost its lexical meaning, was phonetically changed, reduced and in the end became a hydroformant or, in some scholars' opinion, an ending.

In the position after a vowel and sonant the anlaut element of the topofor- mant, the sibilant *s*, *ś* becomes voiced, cf.: *Инза* — a river in the basin of the river Sura; *Пуза* — a small river in the Nižnij Novgorod region.